

О традиции исследовательских семинаров, первых олимпиадах и погибших на войне математиках

<http://oralhistory.ru/talks/orh-862-3>

16 января 1984

Собеседник

Гнеденко Борис Владимирович

Ведущий

Тейдер Валентина Федоровна

Дата записи

Беседа записана 16 января 1984 и опубликована 13 сентября 2016.

Введение

В завершающей пятой беседе математик Борис Гнеденко рассказывает о знакомстве с А. Я. Хинчиным, ставшим другом и научным руководителем, написании диссертации и последующей работе в МГУ. Он вспоминает исследовательские семинары Д. Е. Миньшова и Н. К. Бари, богатый педагогический опыт 1930-х годов и сотрудничество с А. Н. Колмогоровым и П. С. Александровым. В заключительной части беседы Гнеденко рассказывает о зарождении традиции проведения Олимпиад и жизни Университета во время Второй мировой войны.

Гнеденко Борис Владимирович: Само желание поступать в аспирантуру Московского университета было вполне естественно — естественно потому, что оказалось здесь, в университете, Хинчин* решал одну из задач, которая меня интересовала в связи с организацией текстильного производства. В ту пору в текстильной промышленности начали переходить от обслуживания одного ткацкого станка работницей к обслуживанию двух, четырех, восьми, шестнадцати и большего числа станков. При этом могло случиться такое, что в то время, когда на станке случилась какая-то беда, например, оборвалась нить основы или нить утка, работница занята ликвидацией какой-то аварии на другом станке, и она своевременно не может подойти и ликвидировать обрыв, о котором мы только что говорили. В результате получаются простые станков из-за того, что работница не успевает своевременно их обслужить.

* Рассказ Бориса Гнеденко о друге и учителе А.Я. Хинчине доступен [по ссылке — http://oralhistory.ru/talks/orh-561](http://oralhistory.ru/talks/orh-561)

” Появился вопрос о производительности станков при многостаночной работе оператора. И вот именно этой задачей в ту пору интересовался Хинчин.

Я увидел, что методы, которыми я владею, недостаточны для решения современных задач. Значит, нужно учиться дальше.

Я познакомился с Хинчиным, когда приехал в Москву. Мы с ним обсуждали эту задачу, и я спросил его согласия на руководство мной, если я поступлю в аспирантуру. Он такое согласие дал, и я начал думать уже о поступлении сюда. В то время исследовательская жизнь математиков и механиков на факультете организовывалась двумя институтами — Институтом математики и Институтом механики.

Валентина Федоровна Тейдер: То есть это были научно-исследовательские?..

Б.Г.: Это были научно-исследовательские институты, небольшие, но очень хорошо организованные, очень полезные учреждения.

В.Т.: И они состояли при университете.

Б.Г.: Они состояли при университете, при факультете, выполняли большую и полезную работу.

В.Т.: Скажите, а территориально где они размещались?

Б.Г.: Все это размещалось в старом здании университета на Моховой улице. Институт математики занимал две комнатки, но он организовывал крупные исследования теоретического и прикладного плана, он занимался руководством аспирантами, так что работа была вполне реальная и интересная.

В.Т.: Там, где Герцен и Огарев, они были или там, где Ломоносов, в том здании?

Б.Г.: Там, где Ломоносов. На четвертом этаже. На самом верху, на самом верху.

В.Т.: И там же Институт механики был, да?

Б.Г.: А Институт механики тоже на четвертом этаже был, но разные комнаты, и они были разделены пространственно. А Институт механики, помимо этого, организовывал лаборатории, для того чтобы исследования в области механики проходили и экспериментальным путем. В конце концов из этих лабораторий родился теперешний Институт механики при Университете московском. Это огромное научно-исследовательское учреждение, очень мощное, интересное. А вот Институт математики пропал.

В.Т.: Совсем?

Б.Г.: Совсем. И мне представляется, это очень большая потеря для науки, потеря самого разнообразного характера, потому что таких объединяющих центров на факультете, которые могли бы проводить межфакультетскую научную деятельность, сейчас не осталось. В то время мы были объединены гораздо

лучше — и вот с помощью Института математики, и с помощью Московского математического общества, которое играло очень большую роль в математической жизни города.

В.Т.: А кто возглавлял это общество, простите?

Б.Г.: В ту пору возглавлял Павел Сергеевич Александров. Он с 33-го года был президентом общества, очень долгие годы бессменным президентом.

П.С. Александров на семинаре

В.Т.: А Институт математики возглавлял Хинчин, да?

Б.Г.: А Институт математики возглавлял Хинчин.

В.Т.: А кроме Хинчина, простите, кто работал еще в этом институте?

Б.Г.: Там работал Привалов*, Курош**, Каган, Колмогоров*** — довольно большое число сотрудников: Слуцкий Евгений Евгеньевич****, Смирнов Николай Васильевич***** и многие другие... Петровский*****...

* Иван Иванович Привалов (1891—1941) — математик, вице-президент Математического общества. Специалист в теории функций комплексного переменного. Ученик Д.Ф. Егорова.

** Александр Геннадиевич Курош (1908— 1971) — математик-алгебраист, доктор физико-математических наук, профессор МГУ, ученик П.С. Александрова.

*** Андрей Николаевич Колмогоров (1903—1987) — математик, один из основоположников современной теории вероятностей. Крупнейший ученый XX века, создатель собственной научной школы. Президент Московского математического общества.

**** Евгений Евгеньевич Слуцкий (1880—1948) — математик и экономист. Один из создателей современной теории случайных функций (распределений в функциональных пространствах).

***** Николай Васильевич Смирнов (1900—1966) — математик, один из создателей непараметрических методов математической статистики и теории предельных распределений порядковых статистик. Научные интересы лежали в области математической статистики и теории вероятностей, внес большой вклад в современную вычислительную математику.

***** Иван Георгиевич Петровский (1901—1973) — математик, ректор МГУ имени М.В. Ломоносова (1951—1973).

В.Т.: Иван Георгиевич тоже там?

Б.Г.: Иван Георгиевич тоже работал, да.

В.Т.: И потом, видимо, просто это учреждение влилось в факультет — да? — механико-математический?

Б.Г.: Оно растворилось на факультете. Да. Осенью я приехал сюда сдавать экзамены, это было волнующее для меня событие.

В.Т.: Это осень какого года?

Б.Г.: Осень 34-го года. И вот с тех пор, с 34-го года, практически непрерывно я связан с университетом. Университет стал моим родным домом, любимым домом, и я считаю, что университет был и фактически остается центром научной деятельности в стране.

В.Т.: Ну, конечно.

Б.Г.: По той простой причине, что у университета есть молодежь, то есть будущее всякой науки. Именно в университете обучаются те, кто идет работать в любые научные учреждения, будь то академические учреждения, учреждения промышленности и других ведомств.

В.Т.: Борис Владимирович, а что, сильно, наверно, отличался механико-математический факультет 34-го года от нынешнего?

Б.Г.: Конечно, он отличался, конечно. В ту пору мы принимали двести студентов. Подавляющее большинство студентов было увлечено наукой, меньше всего думало о материальных благах и очень много думало о науке. Вы могли студентов увидеть и на специальных семинарах, и на специальных курсах, на заседаниях Математического общества, — это были всюду желанные и полноправные сочлены. Профессора много работали со студентами, искали способных людей, стремились, чтобы способные люди не потеряли свои способности, причем они приходили в науку как равноправные и полноценные сотрудники. И должен сказать, что наша советская наука от молодежи того времени получила очень многое.

В.Т.: Одновременно с вами там вот кто... вы не помните, кто учился?..

Б.Г.: Вот одновременно со мной в аспирантуру поступил покойный Анатолий Иванович Мальцев*, это один из крупнейших наших алгебраистов, к сожалению, он очень рано скончался; Сергей Васильевич Смирнов (Мальцев стал академиком всесоюзным, Смирнов был профессором Ивановского университета); Пентковский**, один из крупнейших специалистов в области номографии, он тоже скончался; Верченко Иван Яковлевич***, он сейчас работает в Москве профессором Института электронного машиностроения.

* Анатолий Иванович Мальцев (1909—1967) — математик, основоположник сибирской школы алгебры и логики, один из создателей универсальной алгебры.

** Мстислав Вячеславович Пентковский — математик, доктор физико-математических наук, профессор, специалист в области номографии и вычислительной математики.

*** Верченко Иван Яковлевич (1907–1995) – доктор физико-математических наук, профессор. Область научных интересов: теория функций многих переменных.

В.Т.: Это все были аспиранты Института математики?

Б.Г.: Все были аспиранты Института математики, мои одногодки.

В.Т.: Значит, вот научно-исследовательская работа — она сосредотачивалась — да? — вот в этих двух комнатах.

..

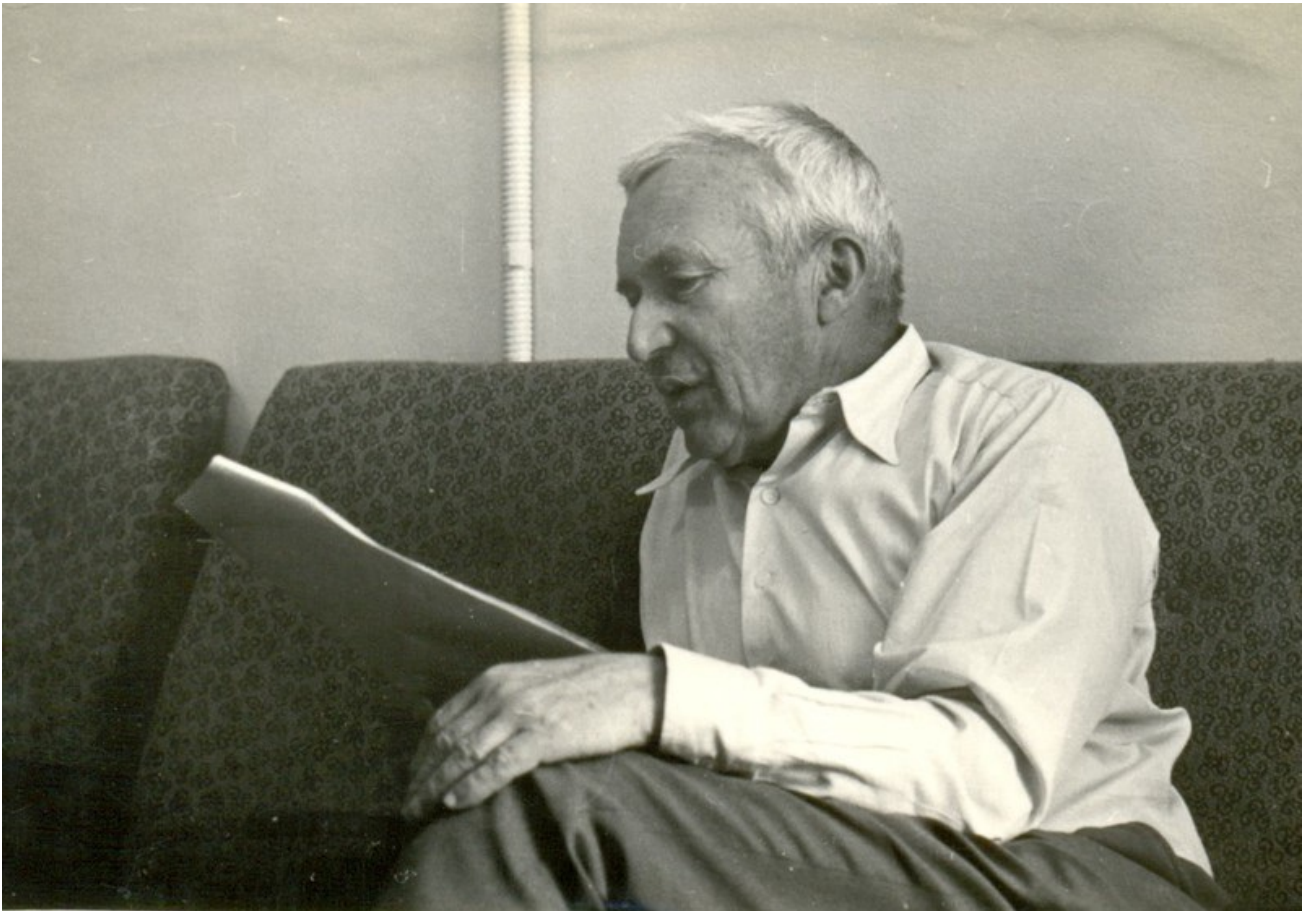
..

Исследовательский семинар по теории вероятностей

Б.Г.: В этих двух комнатах, да. Но вы не представляете себе, сколько интересных курсов читалось, сколько интересных семинаров проводилось. Я вот сейчас как раз пишу относительно того, как я попал на семинар исследовательский по теории вероятностей, по своей специальности, и какую роль он сыграл в формировании меня как человека, занимающегося наукой.

В.Т.: А кто вел семинар?

Б.Г.: Вели семинар Колмогоров и Хинчин, были два руководителя. В этом семинаре наряду с математиками участвовали биологи, такие крупные биологи, как Серебровский, Малиновский, работали физики, Леонтович постоянно бывал, участвовал в этом семинаре, участвовали специалисты в области телефонной связи, и поэтому, наряду с чисто математическими задачами, мы постоянно получали задачи биологического, физического содержания, инженерного содержания, и математическая наука возникала как орудие познания. Это чрезвычайно важно. Сейчас, к сожалению, такого семинара у нас нет, и у студентов, у аспирантов нет вот этого чувства, что математика и познание природы — очень тесно связанные явления.

Андрей Николаевич Колмогоров

В.Т.: А нельзя ли возродить эти традиции?

Б.Г.: Мы пытаемся возродить эти традиции, и, скажем, вот по моей кафедре мы проводим семинары чисто прикладного характера. <...> Я вам скажу, что вот в прошлом году мы выполнили несколько работ по связи с народным хозяйством, и одна работа уже принесла, по утверждению министерства, полтора миллиона только по трем заводам за прошлый год. К сожалению, не все, что мы делаем, доходит до практиков. <...>

В.Т.: Да, конечно. Ну, давайте вернемся в 30-е годы.

Б.Г.: В 34-м году я поступил в аспирантуру. 34-й год у меня прошел главным образом в устройстве с жилищем.

Тогда чрезвычайно тяжело было с общежитиями, меня поселили после очень долгих хлопот в Останкине, в бараке, в комнате на двенадцать человек. Зимой комната промерзала до основания, так что вода, оставленная в стакане, промерзала до дна.

В.Т.: И в этой комнате двенадцать человек? Все аспиранты или это случайные люди, разные?

Б.Г.: Там часть студентов было, часть аспирантов, да. Это студенческий городок был.

В.Т.: МГУ?

Б.Г.: МГУ, МГУ, да. Ну, а занимались мы, конечно, не там, работали мы в библиотеке и в самом университете. И должен вам сказать, что все эти жизненные невзгоды — это было ничто по сравнению с тем чувством радости, сопричастности к развитию науки, которое я здесь получил.

В.Т.: И вы так на Моховой и занимались?

Б.Г.: Так на Моховой мы и занимались.

В.Т.: А лаборатории у вас какие-то были?

Б.Г.: Лабораторий у нас не было там, там у нас был кабинет математики, библиотека, куда был свободный доступ, и мы сами могли доставать книги, журналы с полок.

В.Т.: Библиотека имени Горького раньше там?..

Б.Г.: Да, там одна комнатка была отведена под кабинет математики. Там в кабинете математики занимались, потом на втором этаже, может быть, знаете, круглый зал — там была читальня, вот в этой читальне занимались, но я предпочитал...

В.Т.: Это в другом здании.

Б.Г.: В этом же здании. В этом же здании наверху.

В.Т.: Я думала, в том здании, где Герцен и Огарев, там, знаете?

Семинар по тригонометрическим рядам Н.К. Бари и Д.Е. Меньшова

Б.Г.: Нет-нет-нет-нет-нет, там я знаю это очень хорошо, очень хорошо знаю эти залы, помещения. В 34-м году начал участвовать в работе семинаров, и не только по своей специальности, не только по теории вероятностей, но и в семинаре по тригонометрическим рядам, который вели Нина Карловна Бари* покойная и Дмитрий Евгеньевич Меньшов**.

* Нина Карловна Бари (1901—1961) — математик, автор трудов в области тригонометрических рядов. Ученица Н.Н. Лузина.

** Дмитрий Евгеньевич Меньшов (1892—1988) — математик, участник Московской математической школы и математического кружка «Лузитания», член-корреспондент АН СССР (1953). Автор ряда фундаментальных результатов и трудов в области тригонометрических рядов.

В.Т.: Ну, расскажите про них немножечко.

Б.Г.: Это очень живые, интересные люди.

В.Т.: О Нине Карловне у нас вообще очень мало воспоминаний.

Б.Г.: Нина Карловна была одной из первых учениц Лузина, членом «Лузитании», верным членом этого научного объединения молодежи, с увлечением занималась теорией тригонометрических рядов, заслуженно считалась одним из крупнейших специалистов мира в этой области знания. Она была очень дружна с Дмитрием Евгеньевичем Меньшовым. Дмитрий Евгеньевич — очень высокий, несколько несуразно сложенный человек, с очень громким голосом, голос его рокотал в коридорах...

Нина Карловна Бари (1901–1961)

В.Т.: И живой — да? — человек.

Б.Г.: Живой, энергичный, да. Семинары проходили очень интересно, возникали задачи новые, недаром у Нины Карловны и Дмитрия Евгеньевича остались прекрасные ученики. Дмитрий Евгеньевич жив еще теперь, он уже перестал читать лекции, ему уже трудно бывать на факультете, но мы все, кто его знал, относимся к нему с величайшим уважением и любовью. Именно в этом семинаре у меня появилась небольшая заметочка по тригонометрическим рядам, но основные мои научные занятия пришлось уже на более поздний период. В 36-м году Хинчин читал специальный курс по вопросам, которыми он занимался сам в ту пору, по предельным теоремам для сумм независимых случайных величин. Этой тематикой он занимался очень долго, начиная с 20-х годов вплоть до ухода из жизни, причем с разных позиций — с чисто математических позиций выявления новых закономерностей, с позиций использования этих теорем для получения результатов физического характера, как аппарат статистической физики, для изучения проблем, связанных с передачей информации — это уже в более поздние годы. В 36-м году Хинчин работал в области предельных теорем, получил замечательный результат, который был первоначально сформулирован Колмогоровым, что класс предельных распределений совпадает с классом безгранично делимых распределений, только-только введенных в науку.

Д.Е. Меньшов (1892–1988) на семинаре, МГУ

В.Т.: Их интересы пересекались научные?

Б.Г.: Их интересы пересекались очень близко, у них были и совместные исследования, и постоянно шло обсуждение, так что здесь взаимное проникновение интересов было постоянное.

В.Т.: Значит, вы Андрея Николаевича тоже с тех времен знаете, да?

Б.Г.: Да, с тех же самых времен, с 34-го года. Это был молодой, энергичный человек, увлеченный наукой, работал чрезвычайно много, и практически каждую неделю у него появлялся какой-нибудь замечательный научный результат, о котором он быстро стремился рассказать на Математическом обществе.

Так вот, на этом спецкурсе Хинчина было несколько слушателей, для которых слушание курса оказало очень сильное влияние на дальнейшую научную судьбу. Я имею в виду молодого математика Боброва, того времени молодого, сейчас он работает в Одессе.

В.Т.: Имя-отчество как?

Б.Г.: Александр Александрович. В результате слушания этого курса у него появилась статья об относительной устойчивости сумм. Речь шла о распространении закона больших чисел на положительные случайные величины, найти наиболее общую форму. Эта такая наиболее общая форма была предложена Хинчиным, Хинчин получил частный результат, общая теорема была доказана Бобровым. Второй участник, второй слушатель этого курса Дмитрий Абрамович Райкод. Он был старше нас, он был пятого года рождения, и где-то в семьдесят восьмом году он скончался. Используя результат Боброва и результаты, полученные Федлером, западноевропейским математиком, он доказал очень красивый результат, который связывал две классические предельные теоремы — закон больших чисел и центральную предельную теорему. А третье — мои собственные результаты тоже были тесно связаны

с этим курсом. Именно, я поставил перед собой задачу такую, что вот весь XIX век прошел под знаком поиска условий, при которых предельное распределение будет либо единичным, это закон больших чисел, либо нормальным, это центральная предельная теорема, а в XX веке эта задача как бы забылась, стали искать классы возможных предельных распределений; я решил восстановить права старых задач и поставил перед собой вопрос: при каких условиях существует предельное распределение, и второе: при каких условиях получается данное предельное распределение, одно из возможных, определенное. И вот этими задачами я занялся. Уже в 36-м же году я предложил некоторый подход к решению этих задач, а в 37-м году на эту тему защищал диссертацию.

В.Т.: Кандидатскую диссертацию.

Б.Г.: Кандидатскую диссертацию. В 37-м году я ушел в армию, меня призвали.

В.Т.: Защитив?

Б.Г.: Защитив диссертацию, да. Отслужил положенные сроки. И в армии я продолжал заниматься, там получил тоже некоторые... очень ограниченные возможности. Пока нас держали в изоляторе, там возможности были.

В.Т.: А где вы служили, простите?

Б.Г.: Я в Брянске служил, да, в полку связи, да. Через год я вернулся в университет, был оставлен в университете, получил место доцента.

В.Т.: Уже при механико-математическом.

Б.Г.: Да-да-да-да-да, на механико-математическом факультете. И с тех пор практически неразрывно связан с факультетом. Жизнь у нас текла факультета таким образом.

” На кафедре нас было двое: Колмогоров заведовал кафедрой, и я помогал ему заведовать — самим собой.

В.Т.: Два сотрудника?

Б.Г.: Два сотрудника всего-навсего нас было, да.

В.Т.: В 36-м — 37-м годах?

Б.Г.: В 37-м — 38-м годах, да.

В.Т.: Как — и вы вдвоем осуществляли весь этот процесс?

Б.Г.: Все, все: преподавание, весь учебный процесс — мы осуществляли, да.

В.Т.: Как — вы вели все курсы, да?..

Б.Г.: Семинары, курсы, общие курсы...

В.Т.: Ну, кто-то вам помогал еще? Просто преподаватели какие-то были?

Б.Г.: Преподавал еще Гливенко у нас (Гливенко в ту пору был профессором Педагогического института имени Либкнехта); Смирнов Николай Васильевич помогал (он был профессором Ленинского Педагогического института), Слуцкий Евгений Евгеньевич (он работал в Гидрометеорологическом институте, научно-исследовательском институте). Очень своеобразный человек, но читать он совершенно не был в состоянии. Один раз ему поручили читать курс теории вероятностей, но не к концу курса, а к середине у него не осталось вообще слушателей.

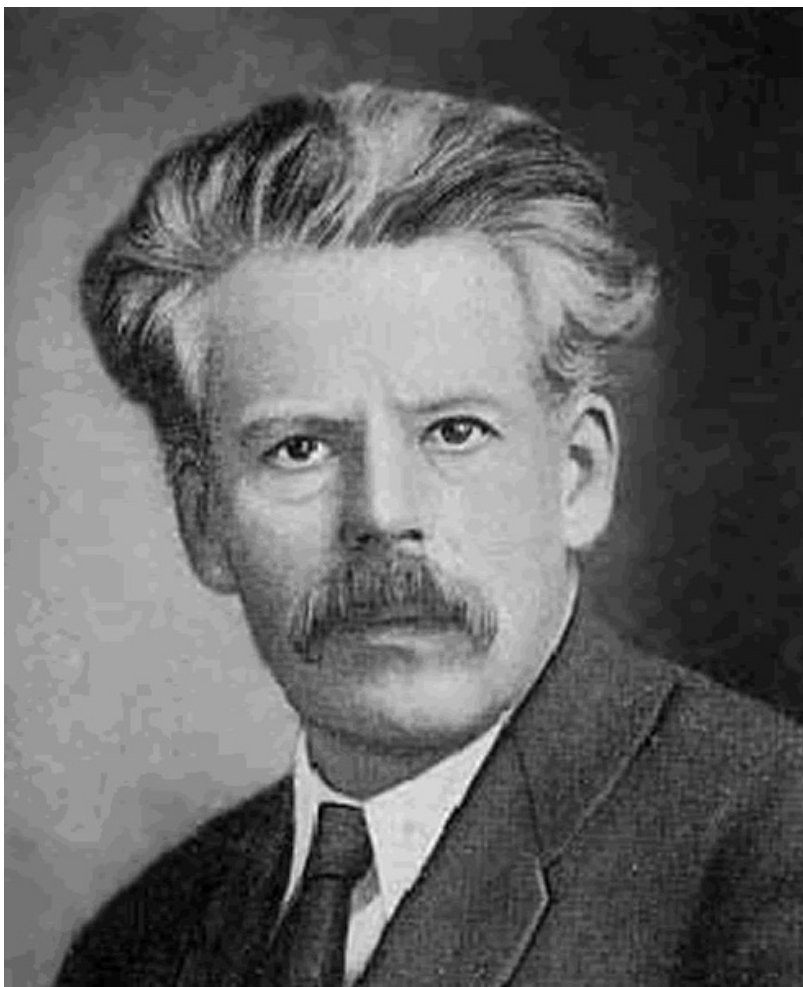
В.Т.: При том, что он был прекрасный ученый?

Б.Г.: Он ученый был первого класса, очень крупный ученый. Это был интересный человек и в другом плане. Вы, может быть, знаете «дело ста девяноста трех»?

В.Т.: Ну, очень приблизительно.

Б.Г.: Приблизительно. Сто девяноста три русских студента были отданы в солдаты в начале нашего века за революционную деятельность. Вот он был одним из них, да. Затем под давлением общественности из солдат их вернули, но ему было запрещено учиться в высших учебных заведениях России. Он уехал в Германию, и, поскольку его революционная деятельность привела его к идее, что нужно быть экономистом, он закончил по специальности «экономика». В 12-м году он вернулся в Россию, как бывший революционер он не мог найти работу, и ему разрешили работать только во вновь открывшемся институте в Киеве — Коммерческом институте, где он читал статистику. Затем в 20-х годах он переехал в Москву и работал в очень тесном контакте и с Колмогоровым, и с Хинчиным. Я очень дружил со Слуцким. Скончался он в 48-м году от рака.

А начиная с 38-го года подавляющая часть педагогических поручений перешла ко мне. Это очень напряженная была педагогическая жизнь, но я не жалею об этом.

Евгений Евгеньевич Слуцкий (1880—1948)

В.Т.: А сейчас сколько на кафедре у вас сотрудников?

Б.Г.: Сейчас на моей кафедре шестнадцать преподавателей, но, кроме того, есть еще другая кафедра, математической статистики, на этом же факультете.

В.Т.: А тогда было двое...

Б.Г.: А тогда было двое.

В.Т.: А кто был деканом, не помните, в те годы, перед войной?

Б.Г.: Перед войной деканом был Голубев Владимир Васильевич. Блестящий лектор. Это не просто лектор, это оратор, который умел увлечь слушателей.

В.Т.: И, помимо вашей кафедры, еще много было кафедр?

Б.Г.: Порядочно. Была кафедра математического анализа; была кафедра теории функций комплексного переменного, ей заведовал Привалов; была кафедра теории функций действительного переменного, ей заведовал Меньшов; была кафедра обыкновенных дифференциальных уравнений, ей заведовал Степанов Вячеслав Васильевич; была кафедра уравнений в частных производных, Петровский заведовал ей; была кафедра дифференциальной геометрии, ей заведовал Каган; была кафедра геометрии, ей заведовал Александров Павел Сергеевич, — и как будто бы все.

В.Т.: Восемь насчитали, да?

Б.Г.: Восемь насчитал, да. И, кроме того, кафедры по механике были, их было четыре или пять кафедр.

В.Т.: Ну, а сейчас выросло количество, да?

Б.Г.: Выросло, да. Кафедр механических сейчас восемь, по-моему, кафедр математических — четырнадцать. Принимаем мы теперь четыреста — четыреста пятьдесят человек.

В.Т.: А тогда двести.

Б.Г.: А тогда двести принимали. Но тогда двести включая астрономов. Двадцать пять астрономов мы принимали в ту пору, они были на нашем факультете.

В.Т.: А теперь они?..

Б.Г.: А теперь они на физическом факультете.

В.Т.: В общем, конечно, тоже к математикам имеют прямое отношение.

Б.Г.: Да, безусловно, самое прямое отношение, у нас были очень хорошие отношения с астрономами. Но потом решили, что обсерватория — это тоже своеобразная лаборатория, лучше объединить вместе факультеты.

Мы каждый год принимали в аспирантуру — много интересных молодых людей тогда было принято. Я после возвращения из армии был сделан ученым секретарем Института математики.

В.Т.: Он еще существовал?

Б.Г.: Существовал, да, он только во время войны прекратил свое существование. И я вспоминаю, насколько просто было мне вести дела аспирантские. Скажем, проходит защита. Все бумаги, какие нужно было для ВАКа, я заполнял во время защиты: писал протокол заседания, и все бумаги, которые необходимо было заполнить, я успевал заполнить во время защиты. Сейчас это немыслимо. Сейчас заполнить дело для подачи в ВАК — требуется несколько дней, десятки форм нужно заполнить.

Аспиранты были очень хорошие. Ну, вот, скажем, Обухов. Сейчас он академик, крупнейший специалист в области атмосферных явлений. И очень многие профессора московских и внemosковских вузов были аспирантами на нашем факультете.

В.Т.: А он тоже там, простите, был, на Моховой?

Б.Г.: Тоже, тоже там же, там же был, да. Подавляющее большинство старшего поколения математиков

и механиков Ташкента, Баку, Еревана учились в аспирантуре в ту пору у нас. К сожалению, очень многих уже нет в живых, там уже второе и третье поколение математиков действует. Так что на математические школы союзных республик нужно смотреть как на дочерние образования для нашего Московского университета.

Первые олимпиады и война

Именно в эти годы я... сейчас скажу, в каком же году... в 36-м или в 37-м году к нам в командировку приехал молодой человек из Ташкента, он был аспирантом Романовского в Ташкенте, — Сарымсаков наш Мухамед Алиевич. Мы очень подружились с тех пор с ним. Я у него был оппонентом по докторской диссертации позднее. Затем он был президентом Академии наук узбекской, был министром высшего образования Узбекистана, ректором Ташкентского университета. И вот только в прошлом году с ним случилась беда, инфаркт у него был, он пролежал несколько месяцев, но, к счастью, отошел, да. Это просто один из примеров таких связей.

В.Т.: А докторская ваша диссертация когда началась?

Б.Г.: Докторскую диссертацию я начал непосредственно после кандидатской. Это было, так, в идейном плане продолжение кандидатской диссертации. Мне удалось уже после защиты кандидатской диссертации открыть метод исследования, который получил наименование метода сопровождающих распределений, сопровождающих законов. И защитил диссертацию докторскую я в сорок первом году, ровно за месяц до начала войны, в мае сорок первого года.

В.Т.: В войну вы были здесь?

Б.Г.: В войну, да, я был здесь. Был очень волнующий период, когда мы понесли массу потерь. В первые же месяцы войны погиб один из учеников нашей кафедры Бавли. Он был доцентом физического факультета. Вблизи от Моховой (он вышел после занятий) — бомбежка, и осколком его насмерть сразило. Погиб на фронте бывший аспирант нашей кафедры — он закончил аспирантуру — Засухин. Погиб очень талантливый молодой ученый, тоже закончил аспирантуру у нас, Бебутов, князь Бебутов, как мы его называли, — он действительно был князем по происхождению. Очень хороший товарищ и блестящий математик. Вне всяких сомнений, оставшись в живых, он бы был один из ярких представителей советской математики. Я составлял скорбный список московских математиков, погибших на фронте, но это длинный список, грустный список.

В.Т.: И занятия продолжались, конечно?

Б.Г.: Занятия продолжались, занятия продолжались и во время войны. Но мы днем вели занятия, а ночью дежурили на крышах. Я был в пожарной команде, занимались гашением зажигалок.

В.Т.: А вы помните котлован, который вырыли там, на заднем дворе?

Б.Г.: Конечно, помню, был такой, да.

В.Т.: Водой заполняли.

Б.Г.: Да, водой заполняли, — на случай пожаров и на случай, если откажет водопровод. Это я все помню...

Очень большие, интересные дела в 34-м году начали делаться по организации математических олимпиад школьных, да. В 34-м году началась олимпиада, и я как аспирант принимал участие в организации школьной олимпиады. И затем в 35-м году тоже принимал участие, в 36-м.

В.Т.: Значит, организатором был Московский университет — или какой-то другой вуз?

Б.Г.: Самая первая олимпиада была организована в 32-м году, по-видимому, в Тбилиси, да, по-видимому, в Тбилиси, во всяком случае тбилисские математики утверждают, что они первые начали. Я думаю,

что спорить не нужно, это, вероятно, действительно так. Ленинградцы считают, что они начали. В 33-м году они провели олимпиаду. Там Делоне очень живое участие принимал в организации, Борис Николаевич Делоне*. Это действительно так было, и, конечно, когда мы организовывали в Москве олимпиаду, мы брали пример с Ленинграда.

* Борис Николаевич Делоне (1890—1980) — математик, представитель Московской математической школы. Область научных интересов: алгебра, теория чисел, вычислительная геометрия, математическая кристаллография и история математики. В честь Б.Н. Делоне названа триангуляция Делоне. Один из основателей альпинизма в СССР.

В.Т.: Был какой-то опыт.

Б.Г.: Опыт был, небольшой опыт был накоплен, мы им воспользовались. Ну, а затем эта, по-видимому, инициатива перешла в Москву к нам. Олимпиады мы не пропускали ни разу, даже во время военных лет. Олимпиады мы организовывали в Ашхабаде, в Свердловске организовывали, и в Москве то же самое — проводились олимпиады. Помимо собственно соревнований, мы еще вели школьные кружки математические.

В.Т.: Не помните, в какой школе?

Б.Г.: В самом университете, из разных школ к нам приезжали. При Московском университете кружки сами работали, и не в школах, а в помещениях университета.

В.Т.: Был какой-то отбор туда?

Б.Г.: Нет-нет-нет, все желающие могли участвовать. И из школьных математических кружков многие к нам приходили учиться потом, но даже те, кто не приходил учиться, все равно с удовольствием вспоминали эти годы, с удовольствием. Я, например, уже во время войны в 46-м году иду здесь в Москве по улице (а в то время я работал на Украине), — вдруг меня встречает молодой человек, здороваюсь. Я его не узнал, потому что это же молодой человек, ну, двадцать пять — двадцать шесть лет — вот так было. Оказывается, это участник школьных математических кружков, которые я вел. Он стал работать в органах связи с зарубежом, такими международными связями занимался. И встретил меня как родного человека, да, и было очень приятно.

Война тяжело досталась университету, потому что мы лишились, как я вам говорил уже, массы молодых людей, погибших на фронте или просто от бомбежки. Вот, скажем, Бебутов был мобилизован в армию, и он погиб от шальной пули, когда подъезжал к месту назначения. Даже не успел участвовать как офицер, как боец. Таких смертей было очень много.

Математический институт имени В.А. Стеклова

В.Т.: Скажите, пожалуйста, а вот с институтом Стеклова как-то университет связан был?

Б.Г.: Мы только приглашали стекловцев для чтения лекций, сотрудников оттуда, и Стекловский институт пригласил часть работников факультета для работы у себя. Так вот Меньшов стал сотрудничать там, Колмогоров сотрудничал там, и еще несколько человек, я сейчас боюсь сказать.

В.Т.: Он возник самостоятельно или как-то отпочковался он?

Б.Г.: Стекловский институт был переведен из Ленинграда. Когда в 34-м году Академия была переведена в Москву, Президиум Академии, и часть институтов были переведены. Вот в 34-м году Физико-математический институт, организованный Стекловым в Ленинграде, разделился на три института: на Институт физики, Сейсмологический институт и Математический институт. Случилось это, по-видимому, как раз при переезде в Москву. И Стекловский институт никогда не был при университете, он был академическим учреждением и остается академическим учреждением. Существовали контакты, но мне представляется, что они несравненно слабее, чем должны были бы быть. Ну, вот Понтрягин был штатным профессором Московского университета — последние годы он работает только в Стекловском. То же

самое и с Меньшовым произошло. Но многие, — скажем, Колмогоров, Александров, Степанов — были убежденными университетскими работниками.

В.Т.: Оставались верны.

Б.Г.: Они оставались вечно верны университету. Среди блестящих профессоров, лекторов, конечно, нужно назвать Куроша Александра Геннадиевича. Учился он в Смоленске, закончил Смоленский педагогический институт. В Смоленск с лекциями приезжал Александров и вывез этого молодого способного математика оттуда в Москву. Курош прошел аспирантуру на нашем факультете и остался работать. Блестящий организатор, увлеченный педагог и исследователь, он организовал крупную алгебраическую школу у нас здесь, в Москве. И студенты выделяли из всех лекторов-математиков троих: Куроша, Хинчина и Делоне Бориса Николаевича.

В.Т.: А он тоже переехал сюда из Ленинграда?

Б.Г.: Делоне приехал из Ленинграда и работал в университете очень много, с большим увлечением, потому что Делоне был таким убежденным педагогом университетским.

В.Т.: Вам приходилось с ним сталкиваться?

Б.Г.: Сталкивался с Борисом Николаевичем, я его прилично знал. Меня всегда радовало чувство доброжелательства, которое было свойственно вот этому коллективу математиков: доброжелательства друг к другу, доброжелательства к молодежи.

Борис Николаевич Делоне

В.Т.: То есть атмосфера была очень теплой...

Б.Г.: Атмосфера была изумительно хорошей на факультете.

В.Т.: В общем, очень крупные, конечно, фигуры собрались там, при университете.

Б.Г.: Да, университет как раз был хорошо представлен математиками. Ну, все ж, когда я приехал сюда, это были сравнительно молодые люди: тридцать пять — сорок лет. Вот это самый творческий возраст, так что можно только бы мечтать о таком возрасте.

В.Т.: Конечно, война очень подкосила, но тем не менее факультет выжил, выстоял. Очень хорошо.

Б.Г.: Конечно, правительство позаботилось о том, чтобы профессорский состав сохранился, потому что подавляющее большинство получили бронь. Но, и получив бронь, ведь очень многие записались в ополчение. Я тоже записывался в ополчение и ждал только приказа, но потом в ЦК разъяснили ошибку, которую допускают при этом, стали говорить, что после окончания, победоносного окончания войны нам нужно восстанавливать будет страну, а кто будет восстанавливать, если мы сейчас подкосим все основные силы свои?

Выражаем благодарность Механико-математическому факультету МГУ за предоставленные фотографии.

Впервые материал был опубликован: Гнеденко Б.В. Беседа 16 января 1984 года // Математики рассказывают. М.: «Минувшее», 2005. С. 99–115.